

УДК 81'373.4

Леон Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *hoyden.feanorown@gmail.com*

Leon Olga, Candidate of Philological Sciences
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *hoyden.feanorown@gmail.com*

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ МЕТАНАРРАТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ СО СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ «НАЗВАНИЕ НАРРАТИВНОГО ЖАНРА»

Названия нарративных жанров «трагедия» и «комедия» функционируют как лексические показатели метанарративного комментария. Подобного рода комментарии характеризуются лингвокультурным своеобразием передаваемого ценностного содержания.

Ключевые слова: нарратив, метанарратив, биографический нарратив, нарративный жанр, комедия, трагедия, метанарративный комментарий.

AXIOLOGICAL CONTENT OF METHANARRATIVE COMMENTARY WITH THE STRUCTURAL COMPONENT DENOTING THE «NAME OF NARRATIVE GENRE»

The words «tragedy» and «comedy» representing the names of narrative genres function as lexical markers of metanarrative commentary. Such commentaries are characterized by the cultural specificity of the value-related content they convey.

Keywords: narrative, metanarrative, biographical narrative, narrative genre, comedy, tragedy, metanarrative commentary

Одной из главных проблем современной антропоцентрической лингвистики является языковое воплощение ценностей и проявление личных ценностных ориентиров в определенных коммуникативных ситуациях. Формой репрезентации ценностей являются оценки, которые В. И. Карасик определяет как вербальные и невербальные способы проявления представлений о благе и его противоположности; такие проявления «имеют сложную структуру, включающую оценочную шкалу (нарастание – убывание признака, ср.: *еще молодой – уже старый*), оценочный стереотип (*спелый арбуз и острый нож*), оценочный аспект (*ученик аккуратный, но солдат храбрый*), оценочное основание (наличие оценочного классификатора – ср.: *хороший человек и большого ума человек*), субъект и объект оценки, оценочный модус (общая – частная оценка), оценочную мотивировку (этот дом лучше, так как в нем больше комнат, он светлее и т.д.)» [1, с. 7 – 8].

На материале крупнейших из доступных отечественному исследователю на современном этапе текстовых корпусов белорусского, русского и английского языков (Беларускі N-корпус [2], Национальный корпус русского языка [3], British National Corpus (BNC) [4]) в рамках данного исследования была принята попытка установить лингвокультурные особенности аксиологического

содержания метанарративных комментариев определенного типа (в данном случае, комментариев, связанных с жанровой атрибуцией нарратива). В материале исследования была включена выборка метанарративных комментариев, извлеченных из биографического нарратива, в составе которых присутствовали такие лексические показатели метанарративного уровня, как названия основных нарративных жанров *трагедья / трагедия / tragedy* и *камедья / комедия / comedy*.

Анализ белорусскоязычного материала показал, что лексема *трагедья* в определенных контекстах является показателем интенсивности психических состояний (таких как, например, страх или любопытство):

— *Ведаеш, Рыгор, бацька мой перажывае вялікую трагедыю. Надоечы атрымаў ліст і, я табе кажу, – жах... Пякельны жах...* (Цішка Гартны, “Сокі цаліны”) [2].

Апавяданне бабкі аб доме пана падлоўчага зрабіла моцнае ўражанне на маладога настаўніка. Вобраз пані з чорнымі пышнымі валасамі жыва рысваўся ў яго ўяўленні, а дапытлівая думка імкнулася ўнікнуць ва ўсе схованыя пружыны гэтай драмы чалавечай душы. І гэтая трагедія людскога жыцця авявала і вобраз панны Ядвісі, атуляла яго нейкай няяснай заслонай тайнасці цёмнай палескай глушы. І сама гэтая глуш усё выяўней прымала своеасаблівы воблік, як нешта само сябе здавальняючае і існуючае сваім уласным жыццём, таемна пераплятаючыся і лучачыся з людскім лёсам (Якуб Колас, “На ростанях”) [2].

Употребление лексемы *трагедья* в ряде случаев актуализирует ценность трагического (фрустрирующего) опыта как момента инициации во взрослую жизнь, зоны духовного роста и взросления. В данных аксиологических контекстах трагическое прошлое представлено в качестве ценности – как признак психологически зрелой, умудрённой опытом личности, в то время как отсутствие такого опыта представляется показателем незрелости, юности:

— *Ну, аб чым вы задумаліся? Кажыце. У вашым жыцці яшчэ не маглі быць трагедыі* (Янка Маўр, “Шлях з цемры”) [2].

І яна такі пайшла, гэтая наравістая дзяўчына. Праўда, як выйшла яна за дзверы, дык яе прыгожы твар таксама пацягнуў і скрыўіўся ад нутранага болю, але пайшла яна цвёрдым роўным крокам, які ані не паказваў на тое, што гэтая дзяўчына перажывае цяпер сваю першую і таму найглыбейшую і найсвяжэйшую трагедыю (Міхась Зарэцкі, “Вязьмо”) [2].

Кроме того, в белорусскоязычных метанарративных комментариях было выявлено функционирование лексемы *трагедья* как средства выражения иронии, базирующейся на неконгруэнтности значимости (подобные контексты свойственны повествованиям о детстве, детских воспоминаниях):

Нос – гэтая самае слабае месца ў Юлькі. Шмат горкіх мінут ён ёй каштуе. І такая, здаецца, драбніца – нос! Аж смешна, але ў гэтым і ўся трагедія, што часам дробненькі камарык звальвае з ног магутнага льва (Змітрок Бядуля, “Юлька”) [2].

За гэты час мне ўспомнілася адна дробязь, якая акурат і была рашаючай ва ўсёй гэтай трагедыі. Адагнаўшы сабаку, я не ведаў, што рабіць ад болю. Тут я ўбачыў на прызбе цэбар з “лугам” – вадой з попелам для бялізны. Я ўзяў ды папаласкаў руку. Тады мне так запякло, што я закрычаў куды больш, як ад укусу. А потым стала лягчэй (Янка Маўр, “Шлях з цемры”) [2].

К лингвокультурным особенностям белорусскоязычных метанарративных комментариев с упоминанием нарративных жанров следует отнести достаточно частотное использование лексемы комедия для выражения критики и порицания. В подобного рода высказываниях актуализируется аутентичность (искренность) речевого и неречевого поведения как ценность и неискренность, притворство как антиценность:

Для Лабановіча так і засталася незразумелым: ці то Анцыпiк разыграваў камедыю, ці сапраўды спалохаўся свае тэлеграмы (Якуб Колас, “На ростанях”) [2].

— Ха-ха-ха! Ці не досыць ужо, мая мілая? Здаецца, час ужо кончыць камедыю гэту. Скажу табе проста: ты мне абрыдла, ты зусім надакучыла мне. Ну, пагулялі, пазабавіліся, але ж усяму ёсць канец. Не жаніцца ж мне з табой... ха-ха... Ты, пэўна, думала – век мы з табой будзем кахацца. Дый не кахаў я зусім. Не набярэшся кахання на ўсіх... Зразумела? (Міхась Зарэцкі, “Голы звер”) [2].

Следует отметить, что на материале русско- и англоязычного текстовых корпусов не было обнаружено подобных словоупотреблений в биографическом нарративе, что указывает на особую важность искренней межличностной коммуникации для белорусов.

В русскоязычном биографическом нарративе схожая семантическая функция осуществляется посредством употребления лексемы трагедия, которая эпизодически используется для передачи интенсивности психических состояний, одновременно с этим утверждая аутентичность, подлинность выражаемых эмоций и эмоциональную сдержанность как ценность, а наигранность, гиперболизацию эмоций – как антиценность:

Когда долго не выезжала за рубеж, говорила: «Ребенок, что-то я поизносила, мне пора в Париж». Когда кончались духи «Опиум», начиналась трагедия (Сати Спивакова, «Не всё») [3].

Парень даже приблизительно понимал, каких именно слов ждёт от него отец: он должен сказать, что такой подход к жизни в порядке вещей и для него, что он тоже не раздувает трагедии из своего аппендицита, что, возможно, отец прав и он действительно переживает после больницы некий моральный упадок, но ещё денёк-другой – и всё вернётся на круги своя (Ю. И. Лунин, «Три века русской поэзии») [3].

В ряде контекстов из русскоязычных биографических нарративов трагедией именуется роковая ошибка, связанная с неверным выбором, продиктованным неправильно расставленными приоритетами, игнорированием истинных ценностей – таких как ценность человеческой жизни, ценность таланта):

*Но все это случилось потом, а тогда, в ту памятную ночь, я проводил его до самой калитки и по огоньку засветившейся лампы в окне его комнаты понял, что, воротившись к себе, он так и не прилег отдохнуть, а тотчас же сел за стол, растравляя свои усталые нервы **трагедиями «ошибочно» казненных людей** (К. И. Чуковский, «Короленко в кругу друзей») [3].*

*И с какой драматической силой передана Репиным **трагедия Ге, большого художника, изменившего живому искусству** во имя отвлеченной, безжизненной догмы. Репин переживает его отход от искусства, как свое личное горе, заражая этим чувством и нас (К. И. Чуковский, «Репин – писатель») [3].*

Для англо- и русскоязычного биографического нарратива характерна видимая связь трагедии с дихотомией «УСПЕХ – КРАХ», вербальные реализации которой предостерегают о сомнительной ценности половинчатого успеха, сопряженного с личным крахом:

*Я его давно знаю. Если бы не нынешнее ограничение, которое наложено на него, он бы уже давно стал знаменитым... А так до конца своих дней будет играть Сталина! Это ли не **трагедия для творческого человека?!** своя (Аркадий Мацанов, «Мастер и подмастерье») [3].*

*Александр Александрович Фадеев (1901–1956) – советский писатель и общественный деятель, внешне благополучный, красивый, обеспеченный и обласканный советской властью человек. Совсем немногие знают о его **личной трагедии** как творческой личности, **обманутой ложными идеалами**, прикормленной и постепенно **приученной к получению благ от властьпредержащих** взамен выполнения сомнительных поручений от них с последующими самоуничтожающими угрызениями совести, многолетним кошмаром душевных мучений, приведших его к самоубийству в возрасте 55 лет своя (В. Г. Глушкова, «Путешествие из Москвы в Ярославль. Москва – Сергиев Посад – Переславль-Залесский – Ростов Великий – Ярославль») [3].*

В то время как в русскоязычных аксиологических контекстах своеобразие трагичности успеха, ведущего к краху, заключается в том, насколько опасной для творческого человека может быть милость властьпредержащих, в англоязычных контекстах аналогичного содержания трагедия данного типа проявляется в том, что известный человек либо не успевает реализовать в полной мере свой врожденный талант, наличие которого само по себе считается успехом, либо, наоборот, реализует слишком рано, что может привести к демотивации в молодом возрасте и увести человека на путь соблазнов, связанных со славой и богатством:

*Few would argue, though, that the most important person in the history of West Indies cricket was Frank Worrell, for as the first regular black captain it was he who united all the old discordant factions and created one of the most glorious of teams. He is the central, pivotal figure in the story. Because of his death, aged just forty-two, he is also thought of as a **tragic figure**, a man who was unable to fulfil the important public service to his people that seemed to be his destiny. It is easy to let this feeling*

of tragedy overshadow his story, but that would be wrong. He must be celebrated as a superb cricketer and one of the great captains (Gerry Cotter, “England versus West Indies: a History of the Tests and Other Matches”) [4].

Scottish football is littered with morality tales but none of them capture the tragedy of success quite like the story of Peter Marinello (Stuart Cosgrove, “Hampden Babylon: Sex & Scandal in Scottish Football”) [4].

В англоязычных биографических нарративах лексема *tragedy* достаточно частотно употребляется для интенсификации отрицательной оценки любого уровня – например, степени семейного неблагополучия в первом из нижеприведенных контекстов или нанесенного экологического вреда во втором:

How the rooms would be as he'd left them, undisturbed by another person's living. And how there would be a moment, before he flicked on the light, when he might imagine a different life revealed within the darkness, something besides the lonely borders of the couch, the cushions still holding the shape of his own sleepy body. – A lot of young people ran away: you could do it back then just because you were bored. You didn't even need a tragedy (Emma Cline, “The Girls”) [4].

The flood of motor-cars and lorries and trucks onto our roads in recent years is a tragedy for nature and for the environment and for our health. We never missed them when I was young and we all loved our train journeys. Oh, how we loved those trains in the good old days! [4]

В конечном итоге, в результате проведенного исследования было установлено, что лексема *трагедия* в белорусскоязычных метанарративных комментариях к биографическим нарративам наиболее продуктивно используется для выражения оценки постсобытийных психических состояний, лексема *камедья* – оценки действий и их мотивов. Русскоязычным метанарративным комментариям свойственно употребление лексемы *трагедия* для выражения оценки действий или событий, в то время как в их англоязычных аналогах было выявлено употребление лексемы *tragedy* преимущественно в качестве интенсификатора оценочных выражений разного уровня.

В русско- и англоязычных метанарративных комментариях к биографическим нарративам лексема *комедия / comedy* практически не используется для порождения аксиологических смыслов, в то время как в белорусскоязычном материале отмечается сравнительно более продуктивное использование эквивалентной им лексемы *камедья*.

Названия нарративных жанров *трагедья / трагедия / tragedy* и *камедья* в целом употребляются для выражения частных оценок по шкалам значимости, интенсивности, искренности, правильности, успешности, благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. 424 с.
2. Беларускі N-корпус. URL: <https://bnkorporus.info> (дата обращения: 03.04.2024).
3. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.04.2024).
4. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (date of access: 03.04.2024).